

Линь Хайян удивлённо разглядывал его послужной список: детская звезда с четырнадцати, в восемнадцать — на пике популярности — ушёл из шоу-бизнеса и уехал учиться за границу. В двадцать два вернулся в полной безвестности, а за два года собрал три главных кинопремии, множество других наград. Сейчас ему двадцать шесть.

«...Лучший актер!»

Менеджер, сидя за рулём, ворчал себе под нос: «Последние два года он почти не светился — только изредка в кино. Но Лин Чэн вообще странный: вечно куда-то приглашается на какие-то левые роли, да ещё и гонорары не берёт. Ну, при его-то уровне, зачем ему cameo в этих убогих сериалах?..»

«Может, сценарий нравится?» — осторожно предположил Линь Хайян.

Менеджер закатил глаза: «„Беременная жена мафиози сбежала“? „Я и мои тринадцать мужчин“? „Женщины императора Цяньлуна“?»

Линь Хайян: «...»

«И он там даже не Цяньлуна играет, а какого-то ухажёра главной героини до дворца. Всего две серии — пытался кого-то подставить, получил пощёчину, а потом его и казнили».

«...Виноват».

Вернувшись домой, Линь Хайян освежился под душем, снова зашёл в свой секретный аккаунт и отправился смотреть на фанатов Лин Чэна.

С детства он был послушным ребёнком. Из-за симпатичной внешности и занятий ушу многие девочки признавались ему в чувствах, но он всем вежливо отказывал. Школа, конечно, запрещала ранние отношения, но дело было и в том, что у самого Линь Хайяна не возникало ни особых мыслей, ни трепета — за всю свою юность он ни к одной девушке не испытывал ничего особенного.

Когда Лин Чэн его поддержал, Линь Хайяну показалось, будто сердце сейчас выпрыгнет из груди — так громко и часто оно стучало.

Сам он не видел в этом ничего странного. Просто любопытство щекотало его изнутри, и ему хотелось узнать побольше об этом... отзывчивом добряке.

В отличие от Сестрицы Жи и прочих, пробежавшись по страничкам, Линь Хайян почувствовал, что фанаты Лин Чэна откуда-то изнутри источают какую-то... буддийскую безмятежность.

[Когда Лин Чэн наконец напишет в Вэйбо?]: Девочки, есть сегодня что-нибудь? Если нет... ну и ладно...

1L: Сестрёнка, отойди, сегодня опять пусто...

2L: Я откопала фотосессию двухгодичной давности, считается?

3L: Кидай, конечно. Если я это не видела — я проиграла...

[Когда Лин Чэн снимет новое кино?]: Ну ты даёшь, @Лин ЧэнV, вместо отдыха опять смотришь эти убогие дворцовые драмы? И снова на cameo?

1L: На этот раз не евнух?

2L: На этот раз не стражник?

3L: У него даже имя есть! И целых две серии! Девочки, давайте хоть этим поживимся, протухшая еда — тоже еда...

Линь Хайян: «...» Неужели всё так печально?

Он зашёл на страницу Лин Чэна в Вэйбо. Последний пост был три месяца назад — фото уличного котёнка, вылизывающего живот. В комментариях и репостах царил форменный праздник, что выглядело одновременно и радостно, и немного грустно.

Линь Хайян нажал «подписаться», сонно повалился в кровать и тут же отключился — вечером ведь ещё тренировка.

На следующее утро уже выложили записанное ранее интервью — довольно оперативно.

Линь Хайяна разбудила череда звонков. В полусне он слушал, как менеджер орет: «Это же твой первый публичный выход!!!»

Он потер нос. Последние дни он засиживался в компании до ночи, и теперь всё тело ныло. Дрожащими руками он зашёл в свой секретный аккаунт — и ленту захлестнуло:

[Хайян, падай чаще!]: Аааааа, интервью с младшим братцем! Плачу!! Сначала репост, потом смотрю!

[Хайян, хватит падать!]: Репосту в экстазе, делаю на кровати тридцать шесть оборотов с поворотом головы и врезаюсь в ковёр! Ян, ну как ты такой милый?!?!

Видео длилось целых пятнадцать минут, и большинство фанаток уже его расшарили. Линь Хайян смотрел на строчки из восклицательных знаков и думал, что девушки и правда очень милые.

Такая милая, юная, переполняющая экран энергия!

Само интервью снимали минут сорок, так что содержание Линь Хайян помнил хорошо. Он не стал его пересматривать, просто умылся и отправился на утреннюю пробежку.

Через час вернулся, сполоснулся под душем и снова открыл Вэйбо, с интересом заглянув в ленту секретного аккаунта.

Эй, а почему сегодня не одни «хахахаха»?

Линь Хайян придвинул телефон ближе и увидел, что девушки почему-то разродились целыми сочинениями — длинными, серьёзными, куда более вдумчивыми, чем обычно.

Он тут же написал Сестрице Жи, и та быстро ответила, чётко и ясно:

«БЫСТРО СМОТРИ ИНТЕРВЬЮ!!!!»

Линь Хайян послушно открыл видео.

Вообще, своё нынешнее положение он до сих пор воспринимал как что-то нереальное, не

вполне веря в происходящее. Линь Хайян был человеком, который плывёт по течению и не стремится к борьбе, — как его дед, часто говоривший: «Невыгода — тоже удача». Из-за своей излишней серьёзности и отсутствия интереса к телефону и интернету он почти не находил общих тем со сверстниками. С детства у него были только друзья, с которыми он вырос.

В университете он окончательно осознал, насколько он скучный. Он даже не умел считывать настроение других, принимая и доброту, и злобу одинаково всерьёз, что не раз приводило к курьёзам. Девушки к нему тоже проявляли интерес, но никто его по-настоящему не понимал.

Каждый день, наблюдая, как его маленькие фанатки с энтузиазмом кричат о своей любви, Линь Хайян испытывал почти что благоговейный трепет: как можно любить такого занудного, неловкого и бестактного человека?

Но за эту короткую неделю он также понял, что людей, которые его не любят, тоже хватает. А тех, кто не любит Сестрицу Жи, — ещё больше. Порой они ссорились с девушками из-за разногласий, и ссоры эти бывали жаркими.

На экране появились вступительные титры. Видео-Линь Хайян в светло-голубой рубашке сидел на стуле, нервно теребя пальцы.

Ведущая задала ему несколько стандартных вопросов. Линь Хайян всё ещё волновался, говорил с запинками, делал слишком длинные паузы.

В комментариях пролетело несколько злых строк: «Бездарный красавчик», «Деревенщина», «Ничтожество». Линь Хайян на экране моргнул, но не отвел взгляда.

В конце видео ведущая спросила: «Сейчас мнения о тебе в сети резко разделились: у тебя много фанатов, но и много тех, кто тебя не любит. Ты уже двенадцать дней подряд в топе самых обсуждаемых. Некоторые говорят, что твои фанаты очень сплочённые и сильные, они заставляют хейтеров замолчать. Что ты об этом думаешь?»

Это был вопрос, на который можно было легко отшутиться, но Линь Хайян ответил медленно, запинаясь, но очень искренне: «Я очень благодарен тем, кто меня любит. Но я не хочу, чтобы они ссорились с теми, кто думает иначе... Я понимаю: сначала они полюбили меня за то, что я упал на сцене. Это было смешно. Я принёс им радость, и поэтому они меня полюбили. Но если теперь они станут из-за меня ругаться с другими — это неправильно».

Он на экране почесал голову, нервно замолчал на секунду, потом продолжил: «Если вначале любовь была связана с радостью, то из-за ссор и дел, которые им не хочется делать, это чувство может постепенно иссякнуть. Любить меня должно быть в радость. А если из-за этого они станут несчастными — разве это не противоречит самой сути?»

«К тому же у меня и правда нет особых талантов, — смущённо улыбнулся Линь Хайян. — Поэтому не любить меня — это нормально. Вообще, не нужно так напрягаться — гнаться за цифрами, делать какие-то сложные вещи... Просто относитесь ко мне... ну, как к коту в котокафе. Когда вам весело — зашли, посмотрели, стало ещё веселее. Когда грустно — обняли, и настроение поднялось. Котики в кафе приносят только радость. Вот и я к этому стремлюсь...»

Линь Хайян смотрел на себя в видео — на того, кто мямлил и запинаясь. Комментарии вдруг посыпались гуще. Он внимательно их прочитал и смущённо улыбнулся.

Оказывается, хвалят больше, чем ругают...

В самом конце ведущая задала дополнительный вопрос: «Хайян, что бы ты хотел передать своим фанатам?»

Линь Хайян помнил, что это интервью было частью рекламной акции, и смутно припоминал наставления менеджера перед съёмкой. Увидев многозначительный взгляд ведущей, он, кажется, всё понял и осторожно произнёс:

<http://bllate.org/book/16280/1466053>